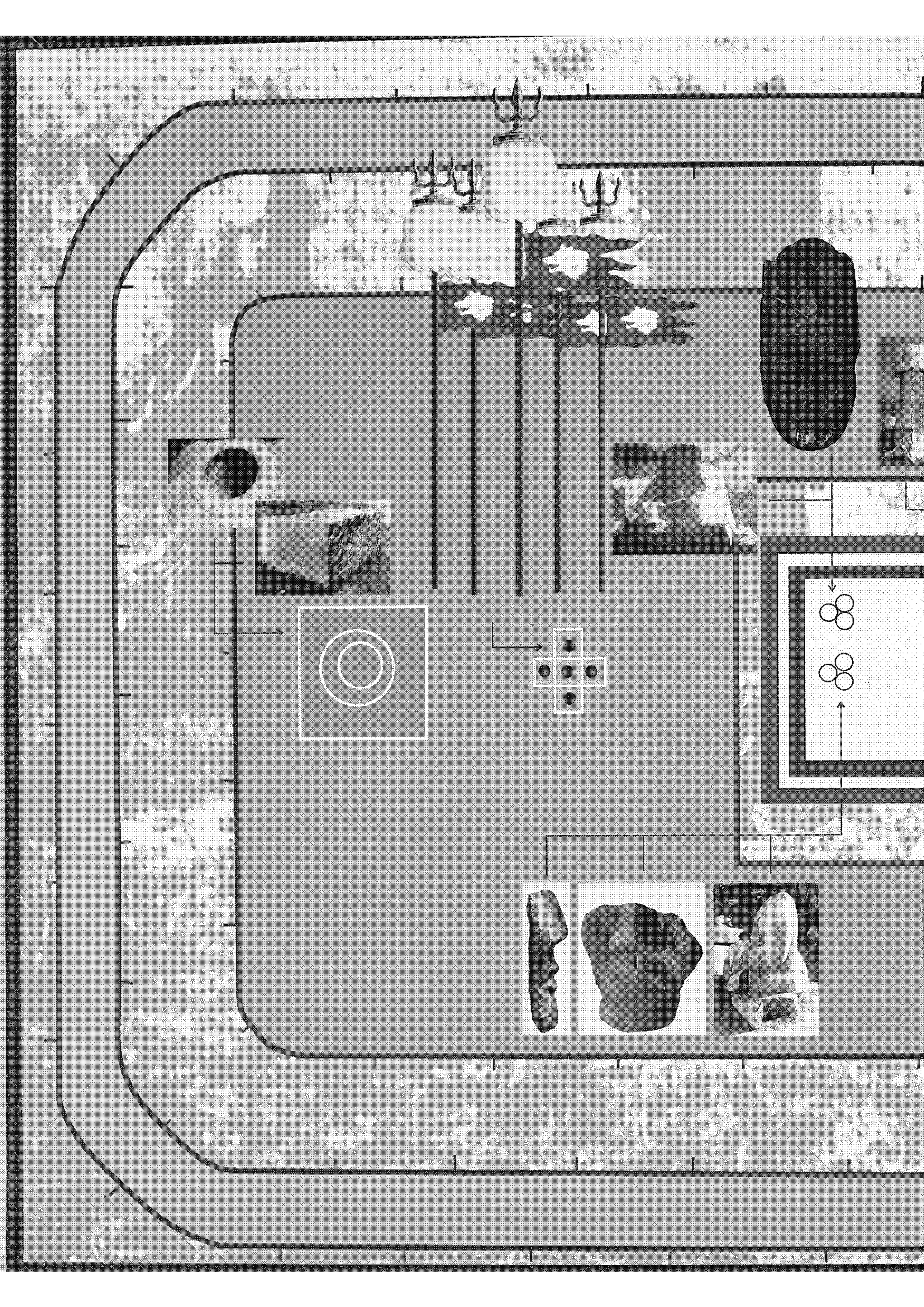


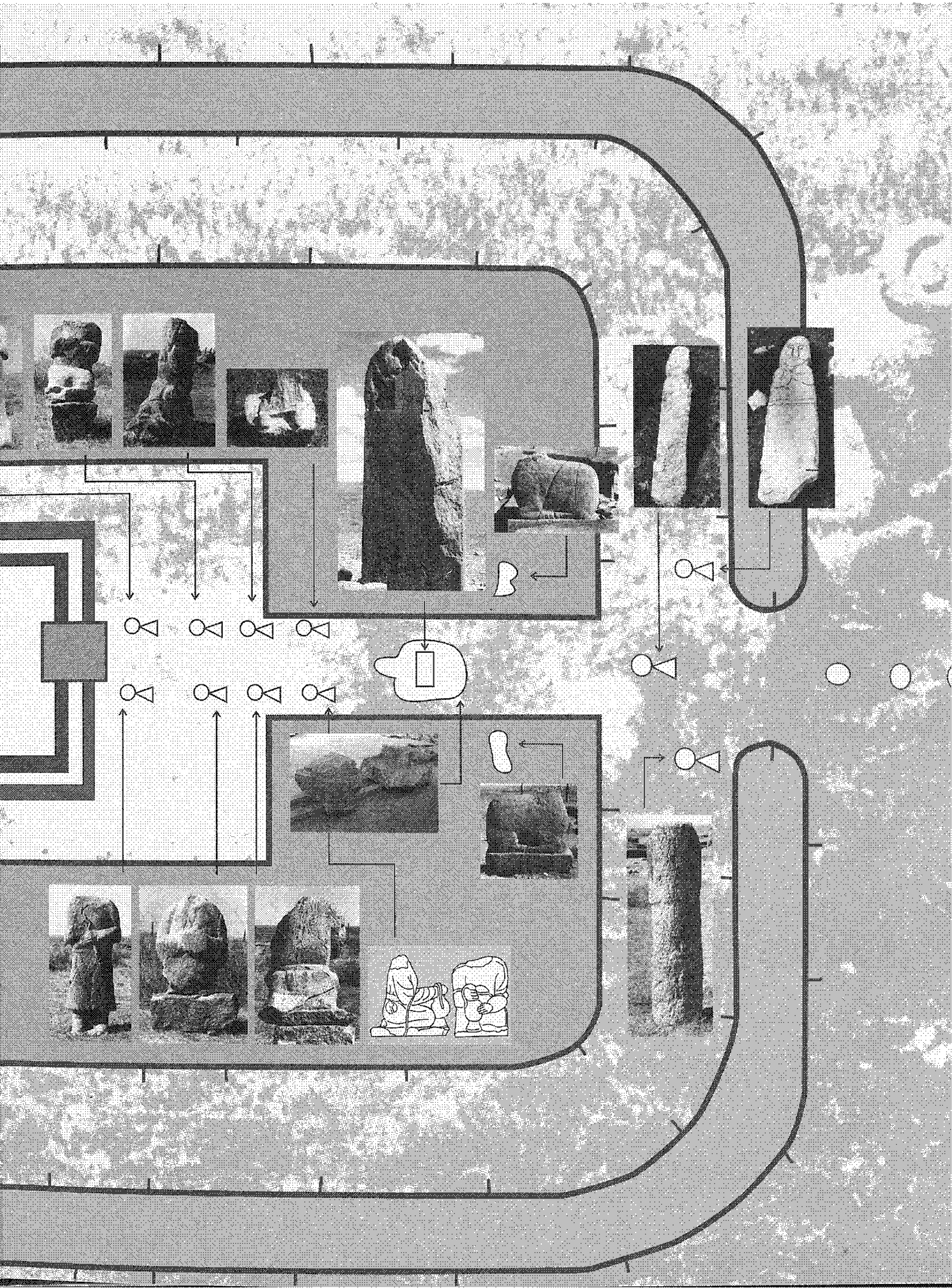
МЫРЗАТАЙ ЖОЛДАСБЕКОВ
КАРЖАУБАЙ САРТКОЖАУЛЫ

А Т Л А С
О Р Х О Н С К И Х
П А М Я Т Н И К О В



KUL TECIN





МЫРЗАТАЙ ЖОЛДАСБЕКОВ
КАРЖАУБАЙ САРТКОЖА

А Т Л А С
О Р Х О Н С К И Х
П А М Я Т Н И К О В

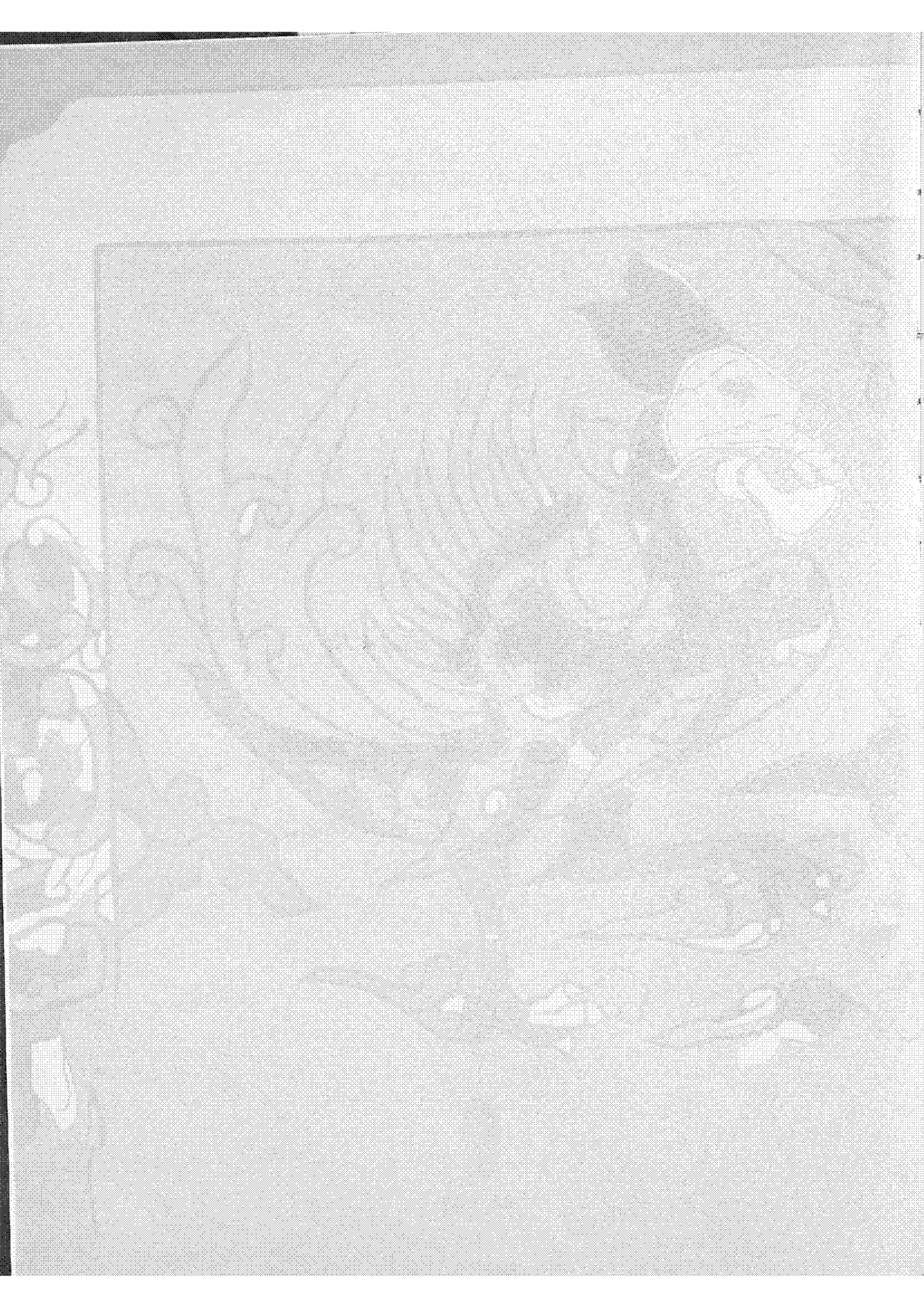
Мамшукке

С. Шоартонов

21.03.2007



KUL TEGIN



МЫРЗАТАЙ ЖОЛДАСБЕКОВ
КАРЖАУБАЙ САРТКОЖА

А Т Л А С
О Р Х О Н С К И Х
П А М Я Т Н И К О В



KUL TECIN

ББК 63.3 (0) Я 6
Ж 69

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА
ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ж69 Жолдасбеков М., Сарткожаулы К.
Атлас Орхонских памятников. – Астана: Күлтегін, 2006. – 360 стр.

ISBN 9965-718-61-X

В "Атлас Орхонских памятников" вошло бесценное наследие древних тюрков, которые военным мастерством и мощью на протяжении трех столетий господствовали на огромных пространствах Евразийского субконтинента, мечтая создать "Вечное государство". Боролись они и со временем, победно применяя в этом главное оружие цивилизации - образованность и письменность. Древнетюркские мудрецы и умельцы на каменных плитах увековечили свое мировоззрение, историю и образ жизни, систему государственного управления. Резные и высеченные строки донесли до нас величественные традиции и искусство давно вымершего письма, обогатив тем самым мировую цивилизацию и культуру.

В Атласе обобщены исследования многих ученых, более столетия занимавшихся разработкой различных проблем Орхонских памятников, изложены результаты деятельности всех экспедиций, когда-либо изучавших подлинники на месте их нахождения: финской и российской XIX в., монголо-чешской, монголо-турецкой и монголо-советской XX в., широко представлены новейшие материалы, полученные экспедицией Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилева и Президентского центра культуры Республики Казахстан.

Авторы Атласа предлагают новейшее исследование всех особенностей старейших памятников древнетюркского языка, дают новую интерпретацию графики, новую транскрипцию, свой вариант чтения каменеписных текстов, их перевод и истолкование. Целостность характеристики дополняется историко-культурными и археологическими описаниями каждого памятника. В Атласе впервые полно представлены многочисленные изображения как самих высеченных текстов, так и всех связанных с ними культовых объектов: фотоматериалы, рисунки, чертежи, схемы, планы раскопок.

Атлас адресуется не только специалистам в области гуманитарных наук (археологам и историкам, культурологам и этнографам, лингвистам и литературоведам, философам), но также постигающим эту область знаний студентам и аспирантам, как и широкой творческой интеллигенции, всем тем людям, кто интересуется историей и древней культурой тюркских народов.

Первое издание Атласа вышло на казахском языке в 2005 г.

Ж 0503010000 – 01.2006
00(05)-05

ББК 63.3(0) Я6

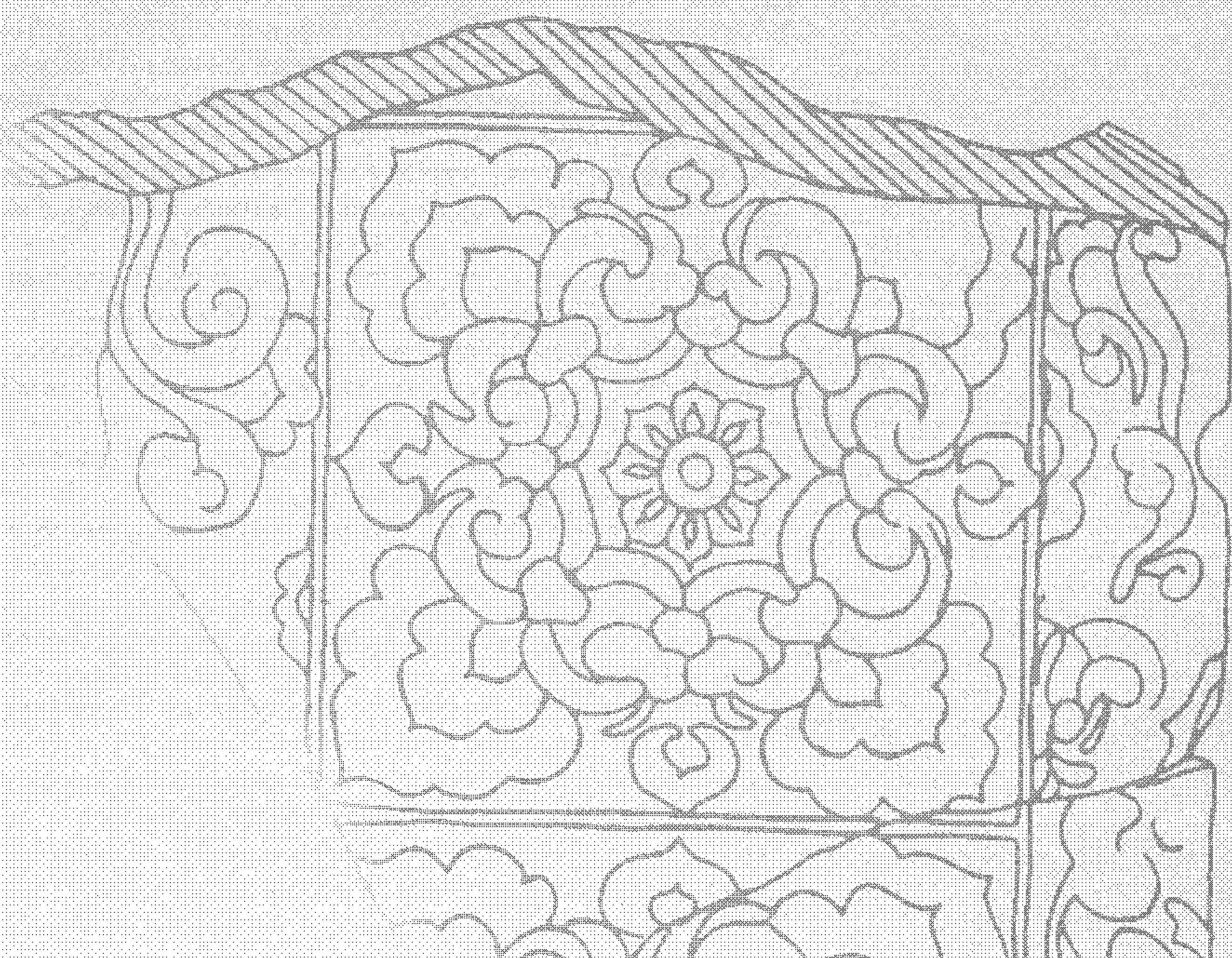
ISBN 9965-718-61-X

© Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006.
© Күлтегін, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ САКРАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ-МЕМОРИАЛЫ	12
Древнетюркский язык как язык кыпчакского диалекта	15
Тексты и графика подлинников	18
Переводы Орхонских текстов	26
Духовные истоки древних тюрков	28
Индекс письменных памятников и мемориалов	31
Карта. Расположение древнетюркских памятников, представленных в Атласе	32
ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (545-630 ГГ.)	33
Мемориал Кюс-Толгай (КюТ)	35
Бугутский мемориал (Б)	39
Кара-Гольский мемориал (КГ)	55
Идэрский мемориал (ИК)	59
Генден-Булакский мемориал (ГК)	65
ВТОРОЙ ВОСТОЧНОТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (682-744 ГГ.)	67
Мемориал великого Кутлук-кагана в Шивэт-Улане (ШУ)	69
Онгинский мемориал (О)	89
Мемориал Кюль-тегина (КТ)	117
Мемориалы Кошо-Цайдам III и V	205
Кошо-Цайдам III	205
Кошо-Цайдам V	207
Мемориал Бильге-кагана (БК)	217
Мемориал Туй-укука (Туй)	273
Мемориал Куули-чора (КЧ)	325
Краткие сведения об исследователях Орхонских памятников	349
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	352
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	356



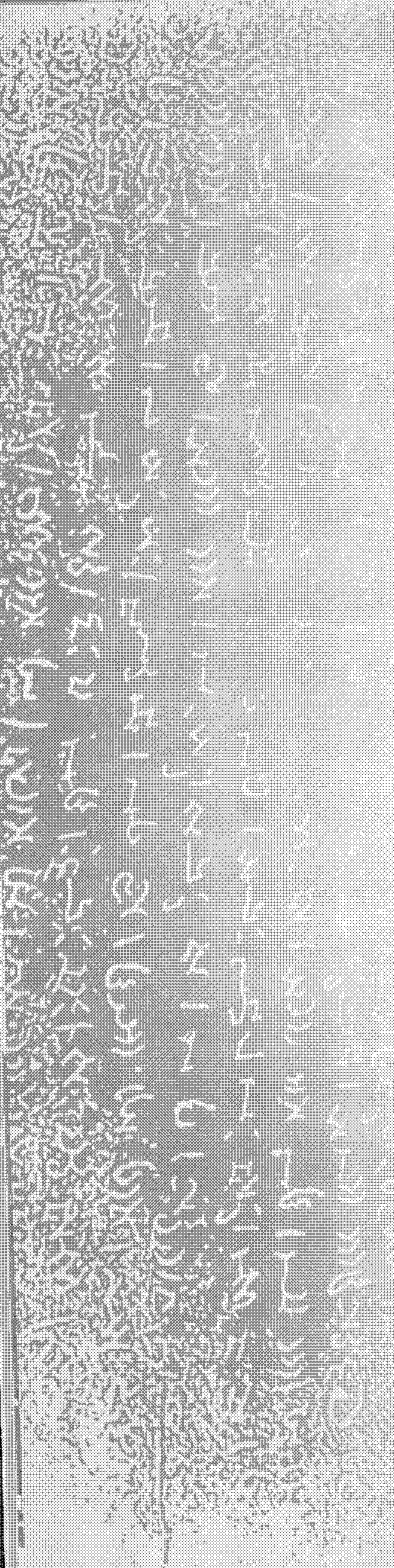


ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемый вниманию читателей "Атлас Орхонских памятников" вошли бесценные документальные и археологические свидетельства величественной культуры раннесредневековой империи, на протяжении 300 лет господствовавшей на обширном евразийском пространстве, - от скалистых хребтов Хингана на востоке до междуречья Волги и Урала на западе, от Китайской стены на юге до Саянских хребтов на севере.

Наш том посвящен крупнейшим древнетюркским письменным памятникам Центральной Монголии. Впервые найденные исследователями на реке Орхон, они еще до дешифровки забытой письменности получили в науке название Орхонских. Так именуют ныне и рунический алфавит, которым выполнены их камнеписные тексты. Наш Атлас расширяет понятие Орхонских памятников, вводя в него тот устойчивый тип культовых архитектурных сооружений, который содержит стелы с руническими письменами. Орхонский памятник - это не только каменная стела с надписью, но и весь включавший ее мемориальный комплекс, состоявший из многих компонентов: храма (барык), кургана, коридора кругового обхода, куба - основания флагштока, каменной ограды с мировым деревом в центре, ансамбля каменных изваяний (фигур людей и зверей), сотен камней-балбалов.

Современной наукой эти постройки расцениваются как поминальные храмы древнетюркской аристократии. Такие поминальные комплексы сложились как



элемент государственного культа ранее применения в нем рунической письменности. Поэтому в Атлас Орхонских памятников включены подобные мемориальные объекты, созданные в период Первого Тюркского каганата и содержащие надписи, высеченные по-согдийски и на брахми, а также те комплексы, которые вообще не содержат стел с надписями. Тем самым Атлас содержит материалы, характеризующие процесс формирования официального канона Орхонских памятников древних тюрков.

Древние тюрки оставили после себя богатейшие духовно-культурные ценности, навеки высеченные на каменных стелах. Орхонские тексты повествуют о возникновении обитаемого мира и его восприятию (вере в Тенгри), создании "вечного эля" древних тюрков (государства с особой системой устройства и управления) и его истории, о присущем державе синтезе кочевой и городской оседло-земледельческой культуры, о сохранении и передаче сквозь века собственного древнетюркского алфавита.

Уникальным, заслуживающим глубокого осмысления явлением предстает перед нами сам факт сохранности древнетюркских памятников. Без защиты и охраны, находясь под открытым небом более тысячелетия, они дошли до наших дней. Во многих других частях мира письмена древних цивилизаций оказались стерты почти до основания.

Издавая Атлас, авторы ставят задачу облегчить исследователям и любителям истории процесс возможного полного самостоятельного постижения величественных древнетюркских памятников, поныне стоящих в степях Монголии. Исходя из этой задачи, авторы Атласа предельно сжато излагают на его страницах собственные взгляды на особенности истории и культуры древних тюрков. Изложение и аргументация той новой концепции, которая сложилась в процессе изучения публикуемых в Атласе памятников, требуют отдельного издания.

В бассейнах рек Селенги, Орхона, Толы находятся руины некогда процветавших городов Орду-балыка, Бай-балыка, Катун-балыка, Тогула-балыка, Магыкоргана, обнаружены десятки культовых сооружений, сотни каменных скульптур, балбалов и курганных захоронений. Известно около ста мемориалов, часть из них сопровождается памятными стелами с надписями, описывающими жизнь и деяния усопших. Эти камнеписные тексты разноязыки, составлены на согдийском, уйгурском, арабском, древнетюркском, манихейском, монгольском, маньчжурском алфавитах, начертаны на брахми, китайскими и киданьскими иероглифами.

К сожалению, не все памятники древних тюрков дошли до наших дней. Причины этого заключены как в процессе этногенеза, так и в напряженном характере социально-политического развития региона.

народы, создавшие эти историко-культурные ценности, впоследствии мигрировали на запад и на юг, в результате чего была утрачена историческая связь времен и поколений;

буддизм и ислам, распространившиеся позже на территории обитания тюрков, враждебно относились к тенгрианству, поэтому памятники, несущие в себе отпечаток веры в бога Неба и богиню Земли, были сознательно преданы забвению;

на протяжении полутора тысяч лет памятники находились под открытым небом, подвергаясь естественной природной эрозии, в результате они в значительной мере обветшали.

Тем не менее, сохранившиеся реликты, будучи свидетельствами истории и письменной культуры, уникальны по содержанию и бесценны с точки зрения наследия ранних этапов мировой цивилизации.

Историко-культурная и интеллектуальная сокровищница древних тюрков,

как и духовный потенциал любого другого народа, формировалась на протяжении длительного периода, воплощаясь в материальной культуре и передаваясь по поколениям в виде знаний и навыков. Особенность номадизма проявлялась не только в высокой мобильности кочевников, но и в экологическом совершенстве быта обитателей степи и лесостепи, предпочитавших использовать кожу, дерево, кость и шерсть. Однако предметы искусства из органического вещества в естественных условиях сохранялись недолго. Поэтому через века и сложились ложные представления, будто кочевническое сообщество не было способно к созданию шедевров сродни земледельческим культурам, оставившим благодаря искусственной консервации значительный след в истории культуры.

Древние тюрки, возводившие города в бассейнах рек Орхон, Селенга и Тола, в силу особенностей среды обитания и мировоззрения для поклонения верховному божеству создавали храмы в отрогах скалистой местности. На каменных плитах воплощали образы батыров и вождей. Степень художественного исполнения и уровень мастерства творцов далекого прошлого восхищают до сих пор. Для тех исследователей, кто пытается реконструировать дух и букву той эпохи, главным в древнетюркском наследии являются оставленные на "вечном камне" тексты, содержащие исторические манифесты и наиздания последующим поколениям.

Уже более века Орхонские памятники являются предметом пристального внимания тюркологов - историков, археологов, лингвистов. Со времени издания атласов А. Гейкеля и В.В. Радлова в 1892-1899 гг. известный науке ряд древностей существенно пополнился за счет новых значимых памятников тюркского происхождения, обнаруженных на территории Монголии и не изученных специалистами. В связи с этим перед тюркологами встала новая задача: в целях дальнейшего всестороннего и системного анализа объединить Орхонские памятники в единый исследовательский комплекс.

Для осуществления этой задачи в последней трети XX в. проводилась многолетняя совместная экспедиция Академии наук СССР и Монгольской академии наук. С монгольской стороны экспедицию возглавил руководитель Отдела эпиграфики Монгольской академии наук К. Сарткожаулы (С. Харжаубай), с советской - старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР кандидат исторических наук С.Г. Кляшторный. Экспедиция проделала большой объем полевых работ: было уточнено местонахождение отдельных известных памятников, найдены новые образцы рунических текстов, которые впоследствии были нанесены на археологическую карту Монголии, изготовлены обновленные копии на кальке малых и больших надписей, составлен альбом фотоснимков памятников. Часть материалов была опубликована в печати. К сожалению, в силу разных причин собранные экспедицией материалы не получили полного научного анализа и теоретического обобщения.

В исследовании Орхонских памятников большая заслуга принадлежит Институту истории и Центру тюркологии Монгольской академии наук, организовавшим полевые изыскания в 1975-1999 гг. Члены экспедиции заново скопировали и дешифровали тексты Кюль-тегина, Бильге-кагана, Туй-укука, Теркинской, Тэсинской стел и других памятников. Благодаря этой деятельности число зарегистрированных текстов на древнетюркском языке составило в общей сложности 65 единиц. Некоторые оригиналы были подвергнуты перепроверке, была проведена тщательная экспертиза с целью устранения ранее допущенных неточностей в их расшифровке.

Факсимильные копии текстов делались с использованием кальки, целлофана, были изготовлены эстампажи на миколентной бумаге. Чтение и расшифровка крупных камнеписных текстов сочетались с составлением стратиграфической

карты всего комплекса, содержавшего письменный памятник, проведением дополнительных разведочных работ, разработкой генерального проекта раскопок.

В результате полевых работ были сняты планы 12 священных комплексов, уточнено местонахождение 300 каменных скульптур, выполнены многочисленные чертежи и фотодокументация. Было установлено, что на одинокой 20-метровой скале Тайхир-Чулу (Хойто-Тамир) на правом берегу реки Тамир имеется около 30 древнетюркских надписей. Юго-западная, южная и восточная стороны этого приметного скального останца, похоже, служили для протокольной регистрации всех важнейших событий в жизни тюрков. К сожалению, в 1960-1990 гг. туристы, побывавшие у этой скалы, написали древнетюркские надписи масляной краской. В результате бесценные письмены оказались утерянными навсегда.

Древнетюркские письменные знаки на предметах наносились различными способами: чеканкой по золоту и серебру, высеканием по камню специальным стальным резцом, наносились на скалы черной и красной тушью.

В больших мемориалах знати тюрки водружали устремленные в небо стелы. Для них использовался материал естественных форм или полуобработанные каменные блоки. Поверхности камней гладко шлифовались, на них скрупулезно наносился текст, каждый знак письма тщательно обрабатывался кислотным раствором.

Сконцентрированные в этих письменах знания имеют непреходящее значение для мировой истории. Наука тюркология, нечисляющая не один век своего существования, благодаря этим находкам получила в наши дни новый импульс к развитию.

После обретения независимости перед Республикой Казахстан встала задача самостоятельной разработки данной отрасли науки на основе переосмысления истории казахов. История казахского народа находится в неразрывной связи с древними тюркоязычными народами, исторические корни которых восходят к глубочайшим пластам этногенеза скифов (саков), гуннов и всемирно известных голубых тюрков раннего Средневековья. Как и все тюркские народы, казахи прямо наследуют традиции древнетюркской культуры, что подтверждается следующими аргументами:

1. Племена он-ок, канлы, басмылы, карлуки, кипчаки, сегиз-огузы, тогыз-огузы, арзу, кыгты, кай, таза, алимы, шектинцы, адан и другие сообщества, образовавшие Тюркский каганат, в дальнейшем составили этническую основу казахского народа.

2. Тюркский каганат состоял из шести племенных объединений: тогуз-огузов, торгешей, огуз-огузов, басмылов, кыпчаков, карлуков. Эти объединения были известны как шесть "есиров" (шесть тронов), а их ставки назывались "алачу", отсюда идет обозначение "алашу", "алани".

После смерти Бильге-кагана родовые знаки-тамги как символы единения шести алашей были высечены на каменных стелах, называемых ныне Орхонскими. Разногласия между шестью алашами по поводу властных полномочий в дальнейшем стали причиной падения Тюркского каганата. Позже слово "алани" сохранилось только у казахов в качестве мобилизационного объединяющего клича-ураша.

3. Древние тюрки ставку правителя называли "ордой", систему органов управления государством - "тог". Отсюда в казахском языке происходят выражения "ел ордасы" - столица государства, "тог агасы" - верховная власть. Передовая часть, или авангард, боевого отряда в Первом Тюркском каганате называлась "бөр", в Позднем Тюркском каганате - "туйгун", в Объединенном Тюркском каганате - "кыргы". "Бөр", "туйгун", "кыргы" составляют сегодня активный словарный фонд современного казахского языка.

4. Древние тюрки жили по своим устоявшимся во времени традициям и обычаям. К таким обычаям относится, например, "кёрісу" - церемония встречи, приветствия, благопожелания на Наурыз (Новый год в день весеннего равноденствия). Или самобытный обычай гостеприимства, когда тюрки в знак почитания человека подносили ему баранью голову. Перед каменными изображениями каганов, воздвигаемых в посмертных мемориалах, также выставлялась баранья голова на серебряном блюде вместе с одиннадцатью остальными частями туши, каждая из которых имела символическое значение.

5. Смерть человека у древних тюрков оплакивалась до года, имущество умершего распределялось среди соплеменников, а в годовщину смерти проводился "ас", поминальный ритуал. Так, после смерти Кюль-тегина четыре тысячи его лошадей, а также золото и серебро - все богатство - было роздано его подданным.

Все эти обычаи и традиции до сих пор сохранились у казахов.

6. Символика боевых знамен с изображением волка перекочевала в военную атрибутику казахов, о чем свидетельствуют поэтические строки Суйюнбая (1822-1895 гг.):

"В характере моем - повадки волка,
На знамени же реет волчий силуэт".

7. Древние тюрки почитали грачей, птиц из семейства вороновых, в качестве гонцов весеннего обновления и вместе с воронами (карға) считали их священными. Как символ обожествления силуэт вороны изображали на коронах каганов. Эти воззрения нашли отголоски и в казахском языке. "Қарғам", "қарғашым" ("воронёнок мой") у казахов является выражением любви, нежности, эмоционально-эстетического отношения к детям и близким в неформальном общении. "Қарға тамырлы қазак" - выражение глубинных родственных связей, единства корней всех казахов. Словосочетание "қарға адым" служило обозначением короткого расстояния, сродни русскому "на воробьиный скок" (символично, что расстояние не измерялось шагом другого животного). В историческом контексте важно подчеркнуть, что из всех тюркских народов только казахи обожествляли ворону, до сих пор активно используя этот образ в метафорических выражениях и сравнениях ("қарға тамырлы қазак" - "казахи единого корня").

8. Великая Степь как пересечение маршрутов крупнейших переселений на протяжении многих столетий принадлежит казахской нации. Ее территория, граничащая с государствами других тюркоязычных народов, до настоящего времени оставалась центром степной цивилизации. Казахский народ сохранил традиции, обычаи, обряды, язык и поэтическое мастерство древних тюрков в качестве первичной матрицы своего этногенеза. Как считал Л.Н. Гумилев, традиции, обычаи, одежда древних тюрков не отличаются от традиций и обычаев казахов XIX века. П.М. Мелиоранский отмечал, что язык древних тюрков в чистом виде сохранили только казахи.

17 мая 2001 г. в Евразийском Национальном университете имени Л.Н. Гумилева была установлена копия стелы - памятника Кюль-тегину, воспроизведенная японскими специалистами. К этому событию было приурочено проведение международной конференции "Древнетюркская цивилизация: памятники древнетюркской письменности". Конференция послужила началом нового этапа исследования Орхонских памятников. Уже в следующем, 2002 г. Евразийским университетом была организована комплексная эпиграфическая экспедиция в Монголию. В период летних полевых работ был составлен каталог фото- и видеоматериалов большого числа древнетюркских письменных памятников. По инициативе одного из авторов Атласа, М. Жолдасбекова, при Евразийском университете открылась специализированная лаборатория эпиграфики и был

основан Музей истории письменности, в котором представлены различные типы письма древнего мира. С 2002 г. в Казахстане выходит журнал "Тюркология", учреждена Международная ассоциация тюркологов. Таким образом, созданы условия для превращения Республики Казахстан в центр тюркологической науки.

Несмотря на длительное изучение, все еще далеки от завершения полный учет и классификация древнетюркских памятников. Авторы Атласа, еще и еще раз обращаясь к руническим письменам, всякий раз находили в них новые открытия. Результатом труда явилась эта книга, где впервые за долгие годы представлена обновленная транскрипция, дан собственный перевод, полученный при прочтении оригиналов, и представлено каталогизированное расширенное описание источников.

В целом в настоящем Атласе разрешены следующие исследовательские задачи:

1. Изучение письменных памятников осуществлено путем комплексного историко-архитектурного обследования всех компонентов содержащих их мемориалов.

2. Впервые после А. Гейкеля и В.В. Радлова имеющиеся копии орхонских текстов подвергнуты тщательной сверке с оригиналами на месте, уточнены написания на стелах, с использованием технических средств (цифрового фотографирования, копирования на кальке, эстампирования) получен более рельефный вариант оттисков, на основе чего представлены собственное новое прочтение древнетюркских текстов и интерпретация их графики.

3. Осуществлены новая транскрипция и новый перевод текстов древнетюркского письма на современный казахский и русский языки.

4. Использован опыт предыдущих исследований рунических текстов, а также отдельные новые концептуальные модели ведущих ученых-тюркологов.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ САКРАЛЬНЫЕ МЕМОРИАЛЫ

Историко-культурное наследие тюркоязычных народов сохранилось на обширных пространствах, где они жили с древнейших времен как автохтонные насельники - прежде всего на современных землях Казахстана, Монголии, Восточного Туркестана (Китай), Сибири (Алтай, Хакасия, Тува), Кыргызстана.

Современное научное исследование древнетюркского историко-культурного наследия ведет свое начало с 20-х гг. XVIII в. В 1719-1727 гг. Д.Г. Мессершмидтом были осуществлены первые археологические и этнографические исследования Сибири, включавшие изыскания наскальных рисунков, каменных изваяний, сохранившихся захоронений и надгробий, святых мест (поминальных сооружений) (Адрнапов, 1916, с. 47-52; Войтов, 1985, с. 12).

Первые сведения о каменных стелах и предметах с руническими надписями, обнаруженных в Хакасии на Енисее, содержатся в дневниках Д.Г. Мессершмидта за август и сентябрь 1721 г. и январь 1722 г. В 1865 г. В.В. Радловым проведены раскопки четырех культовых мест в Онгудае, четырех погребений у ручья Тобожок близ Кошагача в Чуйской долине, и еще четырех - в Катанде

(Захаров, 1926, с. 74). В свое время их именовали могильниками. В 1911 г. А.В. Адрианов провел раскопки 3-4 каменных мавзолеев в местечке Каракоба в Восточном Казахстане, которые он также назвал могильниками (Адрианов, 1916, с. 45-49).

В 1889 г. Н.М. Ядринцев в бассейне реки Орхон в 60 километрах от буддийского монастыря обнаружил остатки памятных сооружений Бильге-кагана и Кюльтегина. В своем отчете от 31 августа 1889 г. эти сооружения он назвал руническими "плоскими могилами", "четырёхугольными могильниками с плитами" (Радлов, 1892, с. 1-12). Позже Д.А. Клеменц (1892, с. 17) поминальные сооружения определил как "княжеские могилы", оставшиеся после древних тюрков.

В конце марта 1891 г. А. Гейкель опубликовал краткий отчет о работах в Кошо-Цайдаме. В первой части под заголовком "Памятник покойному Цюетэлэ" он привел предварительный перевод П.С. Попова китайской надписи на стеле Кюльтегина. Сопоставив ее данные с переводами из танских хроник Н.Я. Бичурина, А. Гейкель пришел к выводу, что упоминаемый Цюетэлэ принадлежал к "дулгаскому" или "тутлошскому" племени и был братом царствовавшему в то время хану Бигя-хан-Могилян (Гейкель, 1891, с. 7-8; Войтов, 1985, с. 119). В отчетах А. Гейкель писал, что назначение памятников остается неизвестным, хотя им и высказывалось предположение, что они могут являться захоронением Цюетэлэ, возможно, возведенным на холме, на месте превратившегося в руины храма (Heikel, 1892, с. 7-8).

Другую точку зрения высказал В.В. Радлов. Во время пробных археологических раскопок на месте каменных храмов Кюльтегина и комплекса Кошо-Цайдам IV он безуспешно пытался отыскать могильную яму. Подводя итоги этой работы, исследователь пишет: "Несмотря на произведенные нами раскопки в разных местах, нигде не оказалось могильной ямы, что ясно нам доказало, что хан не похоронен на месте описанного сооружения... Памятники в честь умерших тюркских князей не ставились на самой могиле их, но что для празднования поминок строились особые памятники в отдалении от самой могилы..." (Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 7).

В 1912 г. В.Л. Котвич провел частичные раскопки сооружения Кошо-Цайдам IV и мемориала Кюльтегина (1914 а, с. 5-7). В 1924 г. П.К. Козлов осуществил пробные раскопки комплексов Онгинского памятника и памятника на берегу реки Тола (Козлов, 1949). Участвовавший в экспедиции П.К. Козлова лингвист и историк Б.Я. Владимирцев составил типологическую схему памятников Монголии, которые он называл "княжескими могилами" (Доржсурэн, 1957). Как В.Л. Котвич, так и П.К. Козлов, в определении статуса памятников разделяли позицию Д.А. Клеменца. В 1933 г. российский отряд под руководством Д.Д. Букнич, проводивший физико-географические, гидротехнические и археологические изыскания, посетил Монголию для исследования городов, сохранившихся могил и знатных захоронений - таких, как Каракорум, Карабалгас (Орду-балык), Хадасан, Цаган-байшин. Наряду с раскопками на комплексах Кюльтегина и Бильге-кагана, Д.Д. Букнич осуществил раскопки каменных ограждений (Кошо-Цайдам IV и V), расположенных вблизи комплексов, и в результате пришел к выводу: "Предложенная Радловым идея подтвердилась. В группе построек Кошо-Цайдам нет могилы. Это только памятник, воздвигнутый в честь знатного человека, умершего в ту эпоху" (Букнич, 1933, с. 2-17).

Н. Сэр-Оджав и Л. Ийсл - руководители монгольско-чешской научной экспедиции, проводившие археологические раскопки комплекса Кюльтегина в Кошо-Цайдаме в 1958 г., обследовали всю территорию архитектурного ансамбля и пришли к выводу: "Памятник воздвигнут на месте, где проводились

поминальные торжества и приносились жертвоприношения" (Сэр-Оджав, 1958б, с. 61-68; 1970, с. 32-42; Jisl, 1960а, с. 86-115).

Таким образом, позиции ученых разделились. Одни поддерживали точку зрения В.В. Радлова и А. Гейкеля и считали эти сооружения специальными поминальными памятниками. Другие, вслед за Д.А. Клеменцем, называли древнетюркские комплексы могилами, а письмена, высеченные на каменных столбах, – эпитафиями (надгробными надписями). Раскопки части построек мемориала Кюль-тегина еще раз подтвердили дискуссионность проблемы.

Определение древнетюркских комплексов как погребений не укрепило в научной среде. Но тогда возникает вопрос: "Каково же назначение этих памятников?". Д.Р. Кызыасов, посвятивший решению вопроса несколько работ, доказал, что эти археологические комплексы связаны с поминальным обрядом, а каменные изваяния изображают древнетюркских умерших героев (Кызыасов Д.Р., 1960; 1964; 1966; 1969; см. также: Кубарев, 1978, с. 29).

Обычай и ритуалы, существовавшие во время расцвета империи тюрков, напрочь забылись, оставив о себе лишь призрачные реминисценции. Предано забвению даже само название религии, не говоря уже об ее обрядовой стороне. Поэтому нельзя прямо отождествлять прослеженные этнографами ритуалы народов Севера с церемониалом древних тюрков, несмотря на то что множество отдельных культовых элементов сохранилось, потеряв первоначальный смысл.

Древнетюркские мемориальные комплексы монголы до сих пор именуют "Орон" (место), "Улхын булан" (священное место) (Харжаубай, 1979-1980, с. 17-18; Сарткожаулы, 2003 а, с. 51-52) и почитают их за сакральные реликвии предков. В трудах Махмуда Кашгари священные места описаны как "Ogun" (место). У всех тюркских народов понятие святого, священного обозначается как "Uңu ogun", т.е. священное место для поклонения богам.

Опираясь на материалы экспедиций, изучавших древнетюркское культурное наследие в Монголии в течение последних 20 лет, а также проанализировав работы вышеупомянутых исследователей, рациональнее было бы назвать эти древнетюркские памятные сооружения священными местами или поминальными комплексами. Однако в обоих этих русских словосочетаниях не содержится идеи увековечивания памяти умершего, поэтому вполне точно использовать и слово "мемориал".

До настоящего времени каждая составная часть подобных комплексов – обелиски, стелы, а также проходы к ним и др. – исследовались обособленно, а не в качестве изначально согласованных элементов архитектурного целого. Чтобы преодолеть в дальнейшем такие ограничения, мы предлагаем исследовать тюркские памятники в комплексе, как единую систему, предназначенную для совершения социально значимых и религиозных ритуалов. Тогда, к примеру, священное место Кюль-тегина предстанет уже не как отдельный поминальный камень, а как законченная композиция, олицетворяющая не только память о славном полководце, но и содержащая в себе целый ряд философско-мировоззренческих смыслов. Поэтому наша новая интерпретация рунического текста была основана на целостном восприятии всего мемориала Кюль-тегина: самого храмового сооружения, его оградки, каменных изваяний и колоннады. В результате данного методологического подхода проведенные исследования представляют полную археологическую характеристику этого священного места, серии фотографий и зарисовок отдельных фрагментов комплекса наряду с текстом надписи, выгравированной на стеле.

Такой многомерный подход предоставляет возможность охватить совокупность исторического наследия и культуры древних тюрков в их значительно более широких взаимосвязях.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК КЫПЧАКСКОГО ДИАЛЕКТА

К 25 ноября 1893 г. В. Томсен впервые осуществил дешифровку древнетюркского письма (Thomsen, 1893; 1896); языковую систему орхонских текстов, смысл письменных знаков и древнетюркскую фонетику изучали В.В. Радлов (Radloff, 1894-1995; 1897; 1899), П.М. Мелиоранский (1899), С.Е. Малов (1951; 1959), А. фон Габен (Gabain, 1941; 1951; 1974), Г. Айдаров (1966; 1972; 1983; 1995; 2000), Т. Текин (Tekin, 1968;), А.М. Щербак (1970; 2001), Дж. Клосон (Clauson, 1970; 1972), И.Н. Кобешевдзе (1972), И.В. Кормушин (1975; 1997), А.С. Аманжолов (1978, 2003), А.Н. Кононов (1980) и многие другие исследователи.

Существуют различные суждения о типе языка древнетюркских надписей. В.В. Радлов выделил три диалекта в древнетюркском языке: наречие северных тюрков-сиров; говор южных тюрков-уйгуров и смешанный северо-южный диалект. Позже он уточнил, что древнетюркский язык состоит из двух наречий - из языка Орхонских памятников и древнеуйгурского языка. Осуществив сравнительные исследования, приходит к выводу: "Орхонские памятники написаны древнетюркским языком" (Кононов, 1980, с. 24-45).

С.Е. Малов писал, что тюркские письмены V-XIII вв. составлены на огузском и уйгурском языках, а языком Орхонских памятников непосредственно является огузский язык, который по языковому типу относится к тувинскому и древнеуйгурскому языкам. Древнетюркские языки VI-XIII веков Д. Синор называл пратюркскими языками и делил их на два самостоятельных диалекта - уйгурский и турфанский. Он полагал, что Орхонские памятники написаны на уйгурском языке. А. фон Габен, в свою очередь, древнетюркские языки делила на пять диалектов, языком Орхонских надписей называла уйгурский язык (Кононов, 1980, с. 34-40). По мнению А.Н. Кононова, языком Орхонских памятников являются огузский и древнеуйгурский языки. На огузском языке, считал он, говорили кыпчаки, аргуны, чигили (Кононов, 1980, с. 37-38).

Таковы неоднозначные и порой противоречивые суждения лингвистов о типе языка древнетюркских надписей, как и в определении племен - носителей древнетюркского языка.

В.В. Бартольд считал, что отуз-огузы, заселявшие Каспийский регион, и тогуз-огузы являются одной большой конфедерацией. На самом деле это были два самостоятельных, отдельных союза племен, каждый из которых имел свои особенности социальной жизни и государственного устройства. Ошибка В.В. Бартольда и стала причиной противоречий в классификации древнетюркского языка.

Современная историческая наука придерживается мнения, что в VI-X вв. нашей эры на территории Центральной Азии политически доминировали два больших племенных объединения (конфедерации): 𐰉𐰺𐰽 = «türük» «тюрк», другое - «тогуз-огузы». Из этого следует несколько выводов.

1. Именно тюркская конфедерация, достигнув определенного уровня социально-экономического развития и международных контактов, обусловила появление раннесредневекового письменного литературного языка. Поэтому язык, функционировавший на протяжении VII-XIV вв., исходя из среды его дальнейшего бытования, стали называть древнетюркским (Харжаубай, 1977, с. 5-7).

В связи со сказанным возникает вопрос: какое из тюркских племен являлось династийной, правящей этнической группой, диктовавшей условия и обстоятельства возникновения и расцвета государства? Ответы мы находим непосредственно

2. После падения империи гуннов в Центральной Азии и Монголии на этой территории господствующими стали две конфедерации: союз кыпчаков и объединение тогуз-огузов. Кыпчаки, будучи правящим племенем, назывались каганским (мужским) именем фратрии "ашина", тогуз-огузы носили имя каганской фратрии "ашидэ" (Сарткожаұлы, 2001а, с. 89-120). Характер взаимоотношений между двумя этими конфедерациями отличался, с одной стороны, непрекращающимся соперничеством, а с другой стороны, их цивилизационное развитие протекало в едином русле. Термины "ашина" и "ашидэ" восходят к китайским источникам, в которых было зафиксировано, что огузы (ойху), предками которых являются гунны, берут свое генеалогическое начало от ханской дочери (Бичурин, 1950, с. 214-215). За пределами же этих двух конфедераций находились карлуки, обитавшие на Алтае и Тарбагатае, а также басмылы, чьи владения находились в Восточном Туркестане (у Бешбалыка). Южные предгорья хребта Иньшань занимало небольшое племя уйгуров. Такова была общая система тюркской этнической организации на тот период.

Слияние огузских родов (в китайских источниках: хойху, ойху, уху) в одно большое объединение происходило в истории трижды. В 487 г. первый раз объединились 12 огузских родов. Во главе этого союза стояли Бөгу-бөри (по китайским источникам: фу фулэ и Алп Бөгу-чор (а фу-чжило), (Бичурин, 1950, с. 216-217). С 606 по 611 гг. во второй раз объединились шесть огузских родов, а примерно в 629-630 гг. произошло объединение девяти огузских родов (Бичурин, 1950, с. 242-245; Сарткожаұлы, 2001а, с. 150). Последнее объединение огузских племен стало называться конфедерацией тогуз-огузов (Сарткожаұлы, 2001а, с. 150).

В китайских источниках династий Хань, Суй, Вэй и Тан консолидация тюркских огузских племен именовалась ойху, хойху, уху, огу и называлась уйгурской. Поэтому в одних источниках конфедерацию тогуз-огузов называли без достаточных на то оснований уйгурской, в других - огузской, игнорируя какие-либо комментарии к этим определениям. Затем произошло недопустимое смещение понятийного аппарата и у современных толкователей текстов, хотя в древнетюркском языке прямое значение слова "уйгур" - "единение", "объединение". Отсюда можно определить, что глагол "уйгурмыш" выражал процесс единения тюркских племен. Мотивированное обоснование этому мы находим в тексте упоминавшегося памятника Тэс (II. 2), сооруженном в 751 г. (Сарткожаұлы, 2001б, с. 26-27).

Таким образом, китайские источники понятие уху, огу, ойху, хойху ложно интерпретировали как этноним "уйгур", проигнорировав едва заметные нюансы в фонологическом написании этих определений.

На самом деле, правящими племенами Объединенного Тюркского каганата были тогуз-огузы и сегиз-огузы. Этнические уйгуры не имели никакого отношения к образованию Объединенного Тюркского каганата, поскольку находились на периферии событий.

В 750 г. каганат был разделен на три административных округа: центр (орда), левое крыло (толес), правое крыло (тардуш). Левое крыло было сформировано сегиз-огузами, впоследствии названными найманами; правое крыло - тогуз-огузами, получившими позже этноним керейт (Теркин, с. 21-24, 27, 28). Язык же керейтов и найманов принадлежал к единой кыпчакской группе языков (Сарткожаұлы, 2003а, с. 70-79).

Поэтому есть все основания считать, что письменные памятники раннего Средневековья на территории Центральной Азии и Монголии в своем абсолютном большинстве являются прямым культурным наследием кыпчакского языка,

поскольку фонетика древнетюркского языка соответствует фонетике кыпчакской группы и адекватна ей по артикуляции.

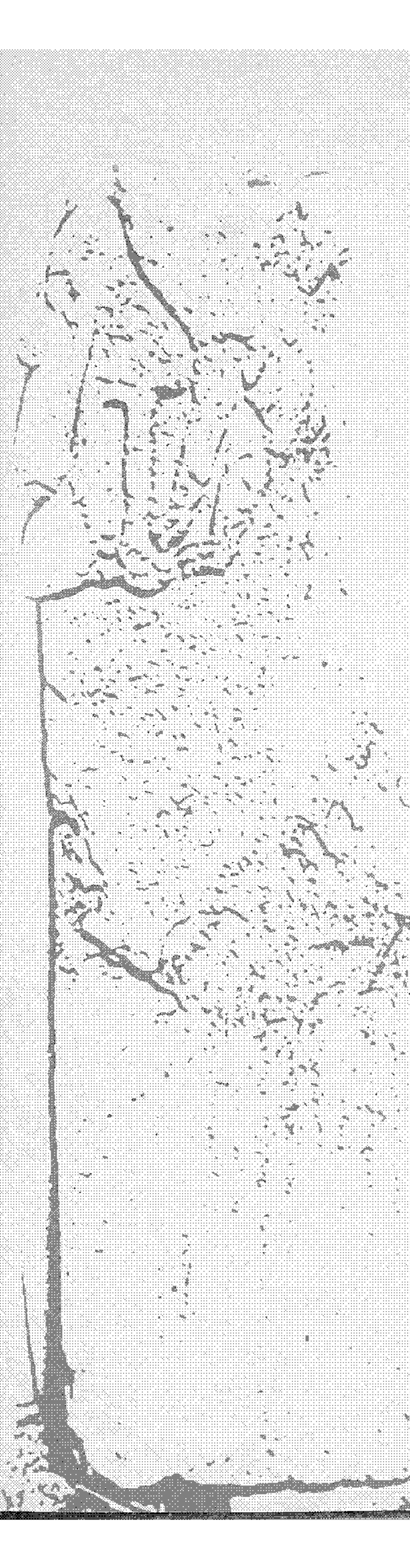
ТЕКСТЫ И ГРАФИКА ПОДЛИННИКОВ

Н.М. Ядринцев и А. Гейкель впервые вручную скопировали тексты на больших орхонских стелах. В.В. Радлов не только сделал копии надписей, но и изготовил их эстампажи. Тщательно проведенные работы внесли большой вклад в изучение Орхонских памятников. До сих пор тюркологи пользуются копиями в исполнении этих ученых. После них никаких специальных работ по исследованию текстов стел Бильге-кагана и Кюль-тегина не проводилось. Отсутствие дополнительной экспертизы повлияло на ход исследований. Современные средства научного инструментария дают возможность предложить альтернативу копиям, поскольку в эстампажах этих источников В.В. Радлова, как и в подобных материалах Г. Рамstedта, Л. Котвича, имеется достаточно неточностей и ошибок, обусловленных слабым техническим оснащением экспедиций прошлого. Помимо этого ими допущены некоторые некорректности, связанные с методикой прочтения текстов. Главным просчетом являлось то, что буквы, которые были выбиты или сохранились недостаточно рельефно, вовсе не нашли отражения на эстампаже. Дефектный реестр воспроизведений наших предшественников сводится к следующему:

- наличие существенных искажений очертаний букв и знаков;
- неточности при выкопировке, осуществленной не в эстампажах, а от руки;
- неправильное размещение букв и знаков при анализе текстов на основе эстампажей и выкопировок;
- смещение вертикальных строк при соединении текстов с обвалившихся стел;
- "виртуальные", некорректные прочтения и переводы текстов с утраченных в силу природной эрозии памятников и по причине неточного определения их размера;
- некомпетентная издательская правка при подготовке к публикации скопированных и интерпретированных текстов, ранее правильно скопированных и адекватно прочитанных;
- выпадение слов и предложений, не поддающихся эстампированию, но читаемых визуально;
- при реконструкции селенгинской стелы (МШУ) допущено слияние слов и предложений текста.

Были допущены отклонения и фундаментального порядка, когда, например, в воспроизведении А. Гейкеля направление письма дано слева направо, что характерно для графики индоевропейских текстов и противоречит начертанию в традиционном древнетюркском стиле. В дополнение к этому тексты со стел произвольно были разделены по размерам на малые и большие, что автоматически повлекло за собой неверную их градацию по значимости. Все вышеуказанное послужило причиной ошибочных чтений и толкований текстов.

До недавнего времени древнетюркское письмо именовалось загадочным словом "руника" ("гаинство"), заимствованным из истории германской письменности. Сегодня принято понимать под этим термином особую форму письменных знаков, алфавит, гармоничный в передаче звуков. Руника понимается как древнейшие письмена, сохранившиеся на камнях и металлических предметах.



На наш взгляд, древнетюркский алфавит, являющийся частью мирового наследия, следует также именовать и по названию этноса, носителя этого языка. Понятие "древнетюркское письмо" (ДТП) или "древнетюркский алфавит" (ДТА) адекватно отражает понятийный смысл этой знаковой системы. Поэтому в Атласе в качестве рабочих терминов задействованы именно эти определения. Древнетюркское письмо, состоящее из набора идиоматических фонем и графических знаков, имеет уникальную природу своего происхождения и достойно фиксации в научных анналах в качестве самостоятельного явления в истории письменности.

26 фонем древнетюркского языка представлены 31-м начертанием дифтонгов, у которых, с одной стороны, отсутствуют дифференциальные признаки согласных звуков М; Ъ; Ѡ; с другой – не различаются согласные и гласные звуки 4; Ъ; 4; Ү. В целом же алфавит состоит из 39 знаков, поскольку следует добавить еще 8 графических знаков, выполнявших особую роль. До формирования древнетюркского алфавита они имели слогоразделительную функцию и представляли рудименты древнего слогового письма.

Несмотря на то, что любой современный язык не в состоянии адекватно передать формальную и содержательную стороны древних языков, мы трансформируем древнетюркский алфавит на базе существующей в тюркологии фонетической транскрипции. Анализ языка (письма) Орхонских памятников представлен читателю на основе сравнительной типологии, в которой также учитываются концептуальные позиции тюркологов, занимавшихся исследованием древнетюркских языков. (См. табл. 1.)

Считаем необходимым оговорить некоторые позиции.

А) Знак Ү В. Томсен обозначает как а, е. В.В. Радлов данное начертание показывает звуками а, ä (э). Вместе с тем он допускал применение вместо этого и другого знака - Ү, передавая его фонемами і, е. Тем самым В.В. Радлов полагал существование в древнетюркском языке двух диалектных вариантов. Чтобы проанализировать точку зрения В.В. Радлова, мы сопоставили передачу фонем а, е, э в графике согдийского текста (письмена Монголии и Восточного Туркестана), манихейского и уйгурского письма (письмена Монголии и Восточного Туркестана), в графике монгольского, маньчжурского и арабского текстов, и пришли к выводу, что в древнетюркском языке отсутствует закрытый вариант гласного ä (э).

Транскрибирование вышеуказанного знака в качестве фонемы ä (э) разделило ученых на сторонников и противников такого подхода (см. табл. № 1).

Так, В. Томсен высказал мнение, противоположное мнению В.В. Радлова. Позицию В. Томсена разделяли Н. Оркун, С.Е. Малов, Т. Текин, Г. Айдаров, С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц, А.Н. Кононов, И.В. Кормушин, Дж. Клосон, В. Атай. К позиции В.В. Радлова присоединились А. фон Габен, А.М. Щербак, А. Аманжолов и другие.

Мы, разделяя мнение В. Томсена, транскрибируем знак Ү как фонемы "а" и "е" (см. табл. 1).

Б) Начертание Ү в тексте памятника Туй-укука В. Томсен толкует как "j". В.В. Радлов, а также С.Е. Малов читают этот знак как "й" (нй). Н. Оркун интерпретировал его как "j" (й). Известно, что В. Томсен высказывал сомнения по поводу своего чтения знака Ү. Он писал, что поскольку знаки для твердых Ү и Ү не похожи, должны быть различия и между звуками, которые ими записывались (Томсен, 1896, с. 27). Вот почему знак Ү Е.Н. Клеменц прочитала как звук "нй". Этот вариант был поддержан В.В. Радловым и, с некоторыми оговорками (Щербак, 1961, с.20), П.М. Мелиоранским (1899, с. 33).

Мы склонны разделить позицию В. Томсена и на этой основе можем заключить следующее:

Сопоставительная таблица знаков древнетюркского письма (орхонский вариант)

Знаки алфавита		Томсен	Радлов	Орхун	А. фон. Габен	Малов	Текун	ДПС	Кормушин	Амажолов	Шербак (2001)	
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1 2 3 4	Гласные звуки	1	a,e	a,ä (э)	a,e	a,ä	a,e	a,e	a,e	a,a,e	a,e,ä	
		2	y,i	y,i,e	y,i	y,i,e	y,i	y,i	y,i,e	y,i,e	y,i,e	
		3	o,u	o,u	o,u	o,u	o,u	j,u	o,u	o,u	o,u	
		4	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	ö,ü	
5 6 7 8 9 10 11 12 13 14	Твердые согласные	5	b¹	b¹	b¹	b¹	b¹	b¹	b¹	b¹	b¹	
		6	d¹	d¹	d¹	d¹	d¹	d¹	d¹	d¹	d¹	
		7	γ	γ	γ	γ	γ	γ	γ	γ	γ	
		8	q	q	q	q	q	q	q	q	q	
		9	l¹	l¹	l¹	l¹	l¹	l¹	l¹	l¹	l¹	
		10	n¹	n¹	n¹	n¹	n¹	n¹	n¹	n¹	n¹	
		11	r¹	r¹	r¹	r¹	r¹	r¹	r¹	r¹	r¹	
		12	s¹	s¹	s¹	s¹	s¹	s¹	s¹	s¹	s¹	
13	t¹	t¹	t¹	t¹	t¹	t¹	t¹	t¹	t¹			
14	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹	j¹		
15 16 17 18 19 20 21 22 23 24	Мягкие согласные	15	b²	b²	b²	b²	b²	b²	b²	b²	b²	
		16	d²	d²	d²	d²	d²	d²	d²	d²	d²	
		17	g	g	g	g	g	g	g	g	g	
		18	k	k	k²	k	k	k	k	k²	k²	
		19	l²	l²	l²	l²	l²	l²	l²	l²	l²	
		20	n²	n²	n²	n²	n²	n²	n²	n²	n²	
		21	r²	r²	r²	r²	r²	r²	r²	r²	r²	
		22	s²	s²	s²	s²	s²	s²	s²	s²	s²	
23	t²	t²	t²	t²	t²	t²	t²	t²	t²			
24	j²	j²	j²	j²	j²	j²	j²	j²	j²	j²		
25 26 27 28 29 30 31	Отдельные согласные звуки	25	č	č	č	č	č	č	č	č	č	
		26	m	m	m	m	m	m	m	m	m	
		27	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	
		28	j	ŋj	j	ŋ y(ни)	ñ(ни)	ñ(ни)	j(ñ)	ñ(ни)	ñ(ни)	j(ñ)
		29	p	p	p	p	p	p	p	p	p	
		30	z	z	z	z	z	z	z	z	z	
31	š, ʃ	š	š	š	š	š	š	š	š	š		
32 33 34 35 36 37 38	Знаки-реликты слогового письма	32	oq,uq	q	oq,uq	oq,uq	q	oq,uq	q	oq,uq	oq,uq	
		33	qo,qu	k	qo,qu	qo,qu	k	qo,qu	k	qo,qu	qo,qu	
		34	öq,qi	q	öq,qi	öq,qi	q	öq,qi	q	öq,qi	öq,qi	
		35	ič	č	ič	ič	č	ič	č	ič	ič	
		36	lč	ll/ld	lč	ll	lč	ll	lč	ll	lč	
		37	nč	nč	nč	nč	nč	nč	nč	nč	nč	
		38	nt	nd	nt	nt,nd	nt	nt	nt	nt	nt	

1. В кыпчакской группе языков твердый согласный звук "нй" не сочетается с мягким гласным "i". В противном случае нарушается закон сингармонизма, характерный для фонетической системы тюркских языков.

2. В рунических текстах неверно прочитаны слова «ajuγ» как «ajniγ»; «aja» как «ajni»; «cyγaj» как «cyγajni».

3. Как писал В. Томсен, между знаками 𐰃 и 𐰄 существует различие, оно заключается в том, что знак 𐰃 означает дифтонг «aj» и восходит к слоговому алфавиту. Поэтому знаки 𐰃 и 𐰄 не чередуются.

4. Итоги изучения звукового значения знака 𐰄 учеными-предшественниками подвел тюрколог В.М. Наделяев (1963, с. 197-213). Проанализировав исследования В. Томсена, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Г.И. Рамстедта, А. фон Габен, М.Ф. Рясенена, С.Е. Малова и И.А. Батманова, он выделил семь вариантов интерпретации данного рунического начертания, существующие в научной литературе. Собственное исследование применения этого знака во всех возможных позициях (в односложных, двухсложных и многосложных словах текстов) привело В.М. Наделяева к выводу о том, что буква передавала звук "j".

5. Мы подвергли анализу использование знака 𐰄 в 7 крупных письменных памятниках: О. МШУ, КТ, БК, Тэс, Тар – (см. табл. №2). В их текстах знак 𐰄 представлен только в семи словах: 𐰄𐰃𐰆𐰄; 𐰄𐰄𐰆; 𐰄𐰃; 𐰄𐰃𐰆𐰄; 𐰄𐰃𐰆; 𐰄𐰄𐰃𐰆. Мы сопоставили написание этих слов в текстах, начертанных арабским, уйгурским и манихейским письмом, и пришли к выводу, что обсуждаемый орхонский знак передают фонему "j", как и предложил В. Томсен (Сарткожаулы, 2003а, с.79-80). Таким образом, знак 𐰄 следует читать как фонему j. Отсюда знаки 𐰄𐰄𐰃𐰆 можно читать «tuj-uquq» (см. табл. №2).

Таблица №2.

Словосочетания	КТ	БК	Тон	Ку	МШУ
1 qit'ñ /qit'j	𐰄𐰃𐰆𐰄 (КТ. 14, 28. Ктб. 11;)	𐰄𐰃𐰆𐰄 (Бк.5 Бк.Ха.2,7)	𐰄𐰃𐰆𐰄 Тон.(10,11,14,17,49) 𐰄𐰃𐰆𐰄 (Тон.7,9)		
2 qoñ /qoj QBK. 5.	𐰄𐰄𐰆 (КТ. 6.14. КТ. 12)	𐰄𐰄𐰆 (БК.11)			𐰄𐰄𐰆 (МШУ.I. 9) 𐰄𐰄𐰆 (МШУ.IV4)
3 Jañip /jañdīm Jajip/jajdym	𐰄𐰃𐰆 (КТ. 34)	𐰄𐰄𐰃𐰆 (БК. 33)			
4 azqyna/azqyja	𐰄𐰄𐰃𐰆 (КТ. 34)				
5 anuγ/ajuγ	𐰄𐰄𐰃𐰆 (КТа. 3,5,7)	𐰄𐰄𐰃𐰆 (БК.Ха.5)	𐰄𐰄𐰃𐰆 (Тон 34)		
6 cyγ'ñ/cyγaj	𐰄𐰃𐰆𐰄 (КТб. 10 екі рет)	𐰄𐰃𐰆𐰄 (БК. 14; БК. Ха.7;).			
7 toñ-uquq/ tuj-uquq			𐰄𐰄𐰃𐰆 (Тон.1,6,8,17, 34, 34,37,47)	𐰄𐰄𐰃𐰆 (К4.L 1,2)	

В) Как видно из таблиц (№3, 4, 5), В.Томсен и В.В. Радлов считали, что знак 𐰄, означает oq, qo, uq, qu, знак 𐰃 читается как ðk, kō, ūk, kū, а знак 𐰆 – как